

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ГЕНЕЗИСА РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИКИ, КАПИТАЛИЗМА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ФЕНИН КИРИЛЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Кафедра экономической теории и национальной экономики, экономический факультет, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», ул. Рабочая 12, кв. 62, 410028, Саратов, Российская Федерация, e-mail: fenin.kir@yandex.ru, телефон: +79053269833

Аннотация

Изучение современных социально-экономических проблем, событий, явлений и ситуаций в изоляции от исторического прошлого ограничивает возможности их понимания нами в настоящем и прогнозирование изменения их состояния в будущем. В связи с этим, представляется актуальной проблема исследования происхождения и развития рыночной и капиталистической систем экономики, основанных на «вневременных» и «внепространственных» категориях: частном предпринимательстве, желании получения выгоды и бесконечном возрастании человеческих потребностей. Основной новацией данного исследования является рассмотрение обозначенных проблем в определённом географическом историческом контексте. Поскольку формат работы ограничен статьёй, анализ направлен не на значительный массив статистической и фактической информации, касающейся прорабатываемых вопросов, а на изучение концепций выдающихся, но редко упоминаемых, зарубежных и отечественных историков, экономистов и мыслителей: Ф. Броделя, Р.Л. Хайлбронера, А. Гершенкрона, Э Райнерта, М.И. Туган-Барановского, В.О. Ключевского и др. В ходе исследования была обнаружена общность взглядов упомянутых учёных на генезис рыночной системы и капитализма вследствие стечения множества факторов. Р.Л. Хайлбронер и Ф. Бродель хронологически отнесли появление данных форм общественного устройства к XIII столетию, указав и регион возникновения – итальянские города-государства. Из Италии рыночная экономика и капитализм как новые парадигмы хозяйствования и общественной мысли очень медленно распространялись согласно определённому порядку и иерархии по всей Европе. Анализ российской историко-экономической практики для удобства был ограничен началом второй половины XVII в. Установлено, что наиболее инициативным хозяйствующим субъектом в экономике России в течение длительного времени было и остаётся государство. Основными причинами активной роли государства в экономической жизни российского общества были значительная пространственная протяжённость и региональная неоднородность России, стеснявшие развитие экономики, и перманентное состояние экономической отсталости.

Ключевые слова: рыночная система экономики; капитализм; предпринимательство; экономическая отсталость; государство.

Введение

Прежде чем перейти к изложению основного материала данного теоретического исследования, следует пояснить, что многие факты, касающиеся рассматриваемой темы, не будут подробно проанализированы вследствие ограниченности данной научной работы форматом статьи. Замысел данной работы состоит в том, чтобы рассказать о концептуальных взглядах некоторых экономистов, историков и мыслителей на возникновение, развитие и

значение рыночной и капиталистической систем экономики и предпринимательства в хронологическом (историческом) и территориальном (на примере европейских государств и России) измерениях.

Основная часть.

Зачиная даже умозрительное исследование развития рыночной системы экономики, капитализма и предпринимательской деятельности на разных этапах истории и для разных регионов мира (государств), сразу можно столкнуться с проблемой соотношения терминов. Очень часто рыночная экономика ошибочно представляется тождественной капитализму. В реальности это две различные хозяйственные системы, объединённые тем, что в них осуществляется частная предпринимательская активность. При этом само предпринимательство как инициативная самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг вполне может быть приравнено к антрепренёрству, бизнесу, грюндерству, коммерции, спекуляции и стяжательству [1, с. 551]. Перечисленные понятия соотносятся с предпринимательством как синонимы, которые относительно равносильны между собой (антрепренёрство, бизнес, коммерция, спекуляция), или обозначают определённый частный случай предпринимательской активности (грюндерство), или устаревшее наименование (стяжательство), подразумевающее негативную оценку данного вида деятельности со стороны общества. Но все эти термины принадлежат к одному семантическому (языковому) полю экономической науки.

Непосредственно как формы хозяйственной самозанятости и организации экономики: антрепренёрство, бизнес, коммерция, спекуляция – могут носить массовый характер, то есть охватывать значительную часть населения, проживающего ныне в экономически развитых странах, вносить весомый вклад в ВВП – до 60–62% и обеспечивать до 78% занятости среди всего экономически активного населения [2, с. 8]. Но если исходить из концепции предпринимательства в той форме, в какой представлял её известный австро-американский экономист Й. Шумпетер и некоторые другие учёные, то данный вид деятельности в принципе не может быть массовым. С чем солидарен, к примеру, доктор экономических наук, профессор В.В. Симонов. Российский учёный отмечал, что «предпринимательская активность – это естественное занятие для 10–15% населения, остальным психологически ближе работа по найму или государственная служба, дающая стабильные (хотя и не максимально высокие) условия жизни» [3]. Сам же Й. Шумпетер понимал предпринимательство как несравненно более сложное и многогранное социальное явление, оказывающее ключевое воздействие на экономический прогресс, развитие капитализма и процветание общества. Наибольшего успеха в предпринимательстве «как в вокальном искусстве», по Й. Шумпетеру, может добиться довольно малая часть общества [4, с. 199–200]. При этом, подчёркивалось, что экономическая сторона дела сама по себе для предпринимателя совершенно безразлична, а величина прибыли – показатель успеха лишь потому, что другого нет [4, с. 193].

В сложившейся ситуации наилучшим решением будет оставить дискуссию о сопоставимости и тождественности терминов. Допустимо установить использования (в рамках данной научной работы) антрепренёрства, бизнеса, коммерции, спекуляции и стяжательства в качестве синонимов предпринимательства.

Принято считать, что центральная сила, обеспечивающая стабильность и развитие рыночной системы и капитализма, а также движущая предпринимателями, – погоня за прибылью, – как и общий «внеисторический» закон возрастающих человеческих потребностей, взаимно поддерживающие друг друга, – это вечные спутники людского сообщества. Л. фон Мизес по этому поводу заметил: «данностью экономической истории является то, что человек неизменно эгоистичен, и большинство людей стремится к получению большего количества материальных благ» [5, с. 183, 186]. Однако

хронологическая древность некоторых идей о должном экономическом поведении человека не означает их всеобщего повсеместного принятия и реального широкого распространения в людском сообществе. Здесь может быть чётко проложена граница между исторической и экономической данностью. Ещё до новой эры Аристотель в своём трактате «Политика» дал подробное описание «искусству наживать состояние» – накопительству денег: обменной деятельности (торговле) и ростовщичеству. Однако великий философ относил подобную деятельность к «противоестественным движениям человеческой натуры», отличным от ведения домашнего хозяйства, служащего для удовлетворения необходимых потребностей [6, с. 19-20, 23, 24-34]. Доктор экономических наук, профессор В.Т. Рязанов в монографии «(Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России», описывая специфику функционирования современной спекулятивно-финансовой модели экономики, остроумно приводит в пример «модель» экономического поведения другого древнегреческого мудреца: «...ещё Сократ почти 2,5 тыс. лет назад поражался тому, сколько производится товаров, которые ему не нужны. Как бы сейчас он поразился, увидев космические масштабы ненужного производства, всячески разогреваемого потребительским ажиотажем, который подпитывается стремительным разрастанием кредитной пирамиды» [7, с. 7-8].

Более поздние примеры также свидетельствуют о том, что архаичность представления о доминировании личной выгоды в поведении индивида в течение очень длительного времени не могла заставить предпринимательство как квинтэссенцию данной идеи и оплот рыночной экономики и капитализма выйти из своих узких социальных рамок. Согласно утверждению того же Л. фон Мизеса «до XVIII в. разрозненные христианские этические религиозные и философские системы объединялись в одном – в осуждении стремления людей к богатству. Ссылаясь на Нагорную проповедь они превозносили самоотречение и безразличие к сокровищам как к преходящему и развращающему. Общественное мнение с неодобрением относилось к успеху бизнесмена в обеспечении потребителей товарами, которые больше соответствуют их желаниям, косо смотря на богатство, приобретённое в торговле и промышленности» [5, с. 147, 148]. Такое отношение к предпринимательской деятельности есть следствие не только религиозных взглядов, но и «бытового» меркантилистского представления, выведенного в общей форме французским философом М. Монтенем, о том, что выгода для одного – это всегда ущерб для другого [8, с.101]. Одним из первых, кто попытался подвергнуть сомнению эту доктрину был Б. де Мандевиль. В своём знаменитом памфлете 1714 г. «Басня о пчёлах...», Б. де Мандевиль аллегорически провозглашал, что эгоистичное индивидуальное стремление к материальному благополучию, до этого третируемое как социальный порок, на самом деле может служить и служит благом для общества, обеспечивая условия для социального прогресса, процветания и даже развития самой западной цивилизации [9, с.5-21, 282-289]. Идею Б. де Мандевилья о «пользе для общества порочных наклонностей частных лиц» подхватил и развил классик политэкономии А. Смит, возведя эгоизм и корысть в ранг направляющих добродетельных факторов, которые утвердили в качестве необходимости общественное разделение труда, способствующее значительному росту производства и наиболее полному удовлетворению потребностей человека [10, с. 28].

Однако даже после появления фундаментальных идей А. Смита, учёные, философы и мыслители далеко не сразу принялись торжественно утверждать всеобщее экономическое своекорыстие, – безудержное стремление к выгоде, – в качестве естественного и неотъемлемого права каждого человека. К примеру, в XX в. испанский философ и социолог Х. Ортега-и-Гассет негативно отзывался о возникновении и развитии феномена возрастающих человеческих потребностей и всеобщего стремления к собственной выгоде, относя их исключительно к свежим недавним событиям XIX в., «который, обновив мир, создал тем самым новый тип человека, наделив его ненасытными потребностями, могучими желаниями и средствами для их удовлетворения» [11, с. 65].

Смысловой знаменатель под всеми перечисленными фактами, мнениями и концепциями подвёл экономист и социолог Р.Л. Хайлбронер. В своем знаменитом труде «Философы от мира сего» американский учёный, рискнувший критиковать один из незыблемых постулатов ортодоксальной экономической теории – максимизацию полезности, писал: «кому-то наверняка покажется странным тот факт, что парадигма желанья личной выгоды экономически сравнительно нова». Мы привыкли к тому, что каждому человеку свойственно стремление к богатству, а мотив получения прибыли стар как само человечество. Однако это не так. Мотив личной выгоды в той форме, в которой он известен нам и понимаем сегодняшней экономической наукой, появился не раньше, чем «современный человек», то есть в Новое время. Даже сейчас «естественная» идея всеобщего стремления к выгоде только лишь ради выгоды, основанная на «рациональном» предпринимательстве немецкого политэконома, социолога и историка М. Вебера, чужда большей доле населения земного шара и не в последнюю очередь потому, что на протяжении многих и многих веков этой идеи просто-напросто не существовало [12, с. 27], [13, с.9–10].

О сложности развития стабильных социальных установок на получение личной выгоды через предпринимательскую активность в рамках рыночной системы даже в её колыбели – в западном мире, утверждали также Н.А. Демьяненко, Л.А. Дятлова и В.Н. Украинский. Российские учёные писали о Франции конца XIII – начала XIV вв., где условия жизни долгое время препятствовали всякой рациональной специализации сельского хозяйства, а рыночная торговля в течение долгих веков была редкой и затруднённой. Исследователи экономической истории полагали, что для установления в стране экономики, основанной на обмене недостаточно экзогенных (внешних) общих условий. Необходимо, чтобы у масс возникла психология покупателя и продавца [14, с. 66-67]. Иными словами, должна была произойти некая «экономическая революция» в умах. Именно такая революция, приведшая к переосмыслению значения факторов производства: сперва земли, потом труда и капитала, – и поддерживаемая за счёт непрекращающегося роста потребностей, началась ещё в XIII в., но окончательно оформилась только шесть столетий спустя. Р.Л. Хайлбронер с юмором отмечает по данному поводу: «во всей истории человечества не было менее понятной, менее принятой современниками и хуже спланированной революции, которую, тем не менее, невозможно было остановить» [12, с. 38].

Данная экономическая революция имела и своё географическое «месторазвитие», указанное Ф. Броделем. Выдающийся французский историк и экономист хронологически также определил начало становления рыночной системы экономики во главе с частным предпринимательством XIII столетием, а территориально – в итальянских городах-государствах: Флоренции, Генуи и Венеции [15, с. 106, 641]. Эти «географические координаты» были закономерными, поскольку, согласно мнению Ф. Броделя, города – самая древняя форма развития процесса разделения труда. Учёный, говоря о городах, использовал весьма необычные эпитеты: «Города – это как бы электрические трансформаторы: они повышают напряжение, ускоряют обмен, они беспрестанно вершат жизнь людей. Разве не родились они [города] из самого древнего, самого революционного из всех разделений труда: полей, с одной стороны, и так называемых городских видов деятельности, с другой? <...> Город – как бы цезура, разрыв [новая] судьба мира. Когда он возникает, неся с собою письменность, то открывает двери того, что мы называем историей» [16, с. 509].

Однако Ф. Бродель пошёл дальше, сделав смелое предположение об одновременном возникновении и совместном прогрессе рыночной системы экономики и капитализма, который развивался как надстройка над данной системой, её «оболочка». Причём становление капитализма осуществлялось не в виде непрерывного продвижения смены последовательных стадий или скачков: от капитализма торгового к капитализму промышленному, а затем к финансовому. Капитализм практически сразу начал свою историю со всех перечисленных видов деятельности. Крупные предприниматели былых времен никогда не специализировались и без различия занимались (одновременно или

последовательно) торговлей, банковским делом, финансами, биржевой спекуляцией, «промышленным» производством [15, с. 641].

У экономической революции, которая привнесла в европейскую повседневность концепцию нормальности всеобщего стремления к наживе вместе с рыночной системой и капитализмом, не было одной, объясняющей всё причины. Р.Л. Хайлбронер утверждает, что эта революция «произошла не из-за великих событий или блистательных авантур, её спровоцировали не отдельные законы или отдельные, пусть даже очень влиятельные личности. Процесс перемен был совершенно спонтанным и многосторонним одновременно» [12, с. 39].

Схожего мнения о возникновении и всё-таки «прогрессивной» вторичности капитализма относительно рыночной экономики придерживался М.И. Туган-Барановский. Согласно представлениям выдающегося русского экономиста в истории человечества наличествует множество процессов, имеющих бессознательный стихийный характер и являющихся непреднамеренным результатом взаимодействия множества отдельных человеческих воле, отражающих особые цели и интересы. Из столкновения данных целей и интересов получается нечто качественно новое, что не укладывается ни в один ожидаемый схематический план, который не и предполагался ни кем заранее. Также и капитализм возник «сам собою»: множество отдельных лиц, не сговариваясь друг с другом и не думая об общественных, исторических результатах своих действий, упорно стремились построить своё частное хозяйство таким образом, чтобы оно приносило им наибольшую выгоду, и так как старые формы хозяйства оказались стеснительными и препятствующими этим целям, то эти старые формы в конце концов рухнули, и весь строй общественного хозяйства испытал глубочайшее преобразование [17, с. 45]. Вторит двум выдающимся экономическим историкам и П.А. Минакир, рассуждая о зарождения территориального экономического неравенства. Академик РАН РФ пишет: «Средневековые цеха возникали не в результате сознательного выбора места их расположения, а там, где концентрировались люди, обладавшие соответствующими умениями, где был спрос на соответствующие продукты и услуги, а также ресурсы для их производства» [18, с. 9].

Не смотря на приведённые утверждения о стихийности и недетерминированном возникновении и развитии рыночной и капиталистической предпринимательских систем, Р.Л. Хайлбронер всё-таки решился указать ряд возможных причин, констелляция (стечение) которых привела к подобному результату. Первая причина – это возникновение в Европе национальных государств. Обретение политической независимости от Священной Римской империи и Папского престола потребовала от стран-«сепаратистов» хозяйственной самодостаточности. В связи с этим возникла и стала популярной меркантилистская идеология и политика протекционизма – защиты отечественного производителя.

Вторая причина – постепенное уменьшение роли религии под влиянием скептицизма, пытливости и гуманизма, характерных для Итальянского Ренессанса. Существует интересное мнение норвежского экономиста Э. Райнерта, о том, что самой Эпохи Возрождения не было бы без массового переселения православных византийских философов, принесших с собой свои взгляды и идеи об активной деятельной роли человека в мире и необходимости созидания, из Константинополя в города Италии во второй половине XV в, то есть после падения «Второго Рима» под натиском турок-агарян [19, с. 105-106]. На фоне данных «секулярных» тенденций наблюдались рост людского любопытства и научного знания.

Последняя, но отнюдь не по важности, причина – это рост уровня жизни в Новое время, который мог поддерживаться только рыночной экономической системой и частной предпринимательской инициативой [12, с. 39-42]. Рост благосостояния затронул далеко не всё европейское сообщество одновременно. Однако с этого исторического периода начало складываться представление о возрастании человеческих потребностей, поскольку стал явственно обозначаться их минимальный уровень. Иными словами, появилась сама возможность, которая могла теперь быть актуализирована, – это желать нечто большего для

более широкой прослойки общества, чем только лишь удовлетворение её базовых потребностей.

Естественно, что перечисленные причины не могут быть исчерпывающими в объяснении генезиса рыночной системы и капитализма, распространившихся по Европе в разное время и приведших к межрегиональной экономической неоднородности. К слову, само неравномерное экономическое развитие было оригинально описано с помощью миросистемного анализа. Согласно последователям этого гуманитарного научного направления, с началом экономической революции, возникли миры-экономики – экономически самостоятельные куски планеты, которые способны быть в основном самодостаточными и которым их внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство [15, с. 14]. Пользуясь концепцией миросистемного анализа, Ф. Бродель вывел интересную территориальную (по странам) и хронологическую динамику поочередного господствования миров-экономик на европейском континенте. Видный представитель школы «анналов» выделил век гегемонии Венеции 1250 (1378) – 1498 гг. (248, 120 лет); век Антверпена (век Фуггеров) 1500 – 1569 гг. (70 лет); век Генуи 1557 – 1627 гг. (70 лет); век Амстердама 1628 – 1783 (1773) гг. (145, 155 лет); век Англии 1780 (1785) – 1929 гг. (141, 149 лет) [15 с. 146, 155, 172, 270, 275, 384]. В свете этого, вновь становится очевидной правота Ф. Броделя, иронизирующего относительно взглядов на возникновение капитализма в Европе и роль иудеев в этом событии, которых придерживался немецкий экономист, историк и социолог В. Зомбрат. Ф. Бродель отмечает: «Если бы евреи и выдумали капитализм, то только в компании с множеством других» [20, с. 147]. Продолжая логику французского мыслителя можно заключить, что теми «другими» были итальянцы. Выгодное экономико-географическое положение итальянских городов-государств определило их возможность по интенсивному использованию для коммерческого судоходства Средиземного моря – великого торгового пути Европы. Кроме того, тесные контакты итальянцев с Востоком, а также их великое историческое прошлое позволили им раньше всех насладиться прелестями удовлетворения возрастающих экономических потребностей в рыночной и капиталистической системах. В последствие к итальянцам-католикам присоединились и другие видные предприниматели-протестанты: голландцы и англичане.

Считая достаточным осуществлённый анализ происхождения и развития рыночной системы, капитализма и предпринимательства для общего понимания их значимости в европейской истории, следует признать определённую теоретичность и концептуальность изложенных взглядов и позиций. Однако для формирования относительно целостной картины мирохозяйственного развития требуется перейти к изучению генезиса экономической деятельности в России.

Целесообразно установить хронологические рамки исследования возникновения и развития российской рыночной экономической системы и предпринимательства с момента завершения Смуты и воцарения новой династии. Данное ограничение предполагается рациональным, поскольку с середины XVII в. – начала XVIII в. Россия географически и исторически предстаёт в наиболее удобном для историко-экономического анализа ракурсе. Цельную картину тогдашнего социально-экономического, культурного и политического развития Московской Руси даёт В.О. Ключевский. Выдающийся русский историк пишет: «Допетровская Россия не смогла познать славных европейских достижений Нового времени, тратя свои силы и средства на восстановление целостности государства, ликвидацию последствий Смуты, внешнюю оборону и на кормление двора, правительства и иных привилегированных классов, ничего не делавших и неспособных что-либо сделать для экономического и духовного развития народа. Поэтому в XVII в. она объективно отстала от Европы. Влияние Запада вышло из чувства национального бессилия, источником которого была вскрывавшаяся в войнах, в дипломатических сношениях, в торговом обмене скудость собственных материальных и духовных средств перед западноевропейцами, что вело к осознанию своей отсталости» [21, с. 243].

Данная социально-экономическая историческая отсталость, отчасти вызванная громадными расстояниями, которые задерживали и усложняли рыночный обмен и были невосприимчивы к различным общественным инновациям, является ключом к пониманию специфики хозяйственного прогресса нашего отечества [15, с. 467], [22, с. 11]. Развитие экономики в России на протяжении четырёх веков, начиная с XVII в., носит скачкообразный характер, и экономическим агентом, инициирующим данный процесс, чаще всего выступает государство (государственный аппарат) [23, с. 72]. Многие экономисты и историки считают такое положение вещей, когда государства «само играет роль предпринимателя и капиталиста», активно занимающегося хозяйственной деятельностью вполне допустимым. По утверждению Э. Райнерта, чем сильнее социально-экономическая отсталость, тем более ясно осознаётся необходимость государственного вмешательства по устранению данной проблемы [24, с. 167, 181]. Поэтому с воцарением новой династии у нас были предприняты политические и экономические нововведения с целью устройства народной обороны и государственного хозяйства. Почувствовав потребность в новых технических средствах, российское государство прибегло к заимствованиям, во множестве призывая иноземцев: лютеран и кальвинистов. Их приглашали для обучения солдат, литья пушек, стройки заводов. Кроме того, в скором времени в Москве почувствовали потребность в европейском искусстве и комфорте, а потом и в научном образовании [21, с. 264, 279-280].

Несмотря на то, что все перечисленные нововведения мало касались нравственных понятий или религиозных воззрений, именно они, точнее усилившееся через них западное влияние привело к церковному расколу и возникновению старообрядцев – значительной части русского православного общества, отделившихся от господствующей русской православной церкви [25, с. 116]. Конфессиональное сословие раскольников интересно своей предприимчивостью и высокой экономической активностью, сложившейся под воздействием комплекса экономических, религиозных, политических и социальных факторов. Более того, общность староверов на своём примере красноречиво подтверждает, что самый действенный способ обеспечить массовый переход людей из одного сословия (крестьянства) в другое (купечество) в нашем отечестве – это создать невыносимые условия существования в первом.

Парадигма и практика хозяйствования староверов на протяжении длительного времени претерпела значительные изменения, укладывающиеся в два вековых цикла: с 1670-х– по 1770-е гг. и с 1770-80-х – по 1850-60-е гг., и один полувековой цикл: с 1860-х г. – до Первой мировой войны. Динамика торгово-производственной модели раскольников на практике заключалась в её трансформации из отдельной «анклавной» структуры в пространстве народного хозяйства Российской империи в обычную компоненту национальной экономики [25, с. 114]. Подобные изменения были вызваны тем, что противоборствующие силы раскольников и «никониан» не разошлись, а остались в одном государстве. Россия, в отличие от европейских национальных государств, которые возникли в частности благодаря Реформации, сохранила географическое единство, но условно разделилась внутри себя на регионы компактного проживания раскольничьих согласий и регионы с преобладанием «никониан» [25, с. 119-120]. Данное обстоятельство в очередной раз подтверждает тезис Ф. Броделя о том, что в России «государство было куда сильнее общества,... но не сильнее экономики» [15, с. 50].

Таким образом, в российской практике социально-экономическое развитие осуществлялось неравномерно через модель государственного предпринимательства. Данная модель обеспечивала стабильность и благополучие главного агента российской экономики – государства, к которому в лице правителей были обращены одни из первых научных трудов по хозяйственному устройству. К примеру, «Книга о скудности и богатстве» И.Т. Посошкова [26, с. 34]. Впрочем, государство как и в эпоху Петра I при возникновении нашей фабричной промышленности, так и в конце XIX в. в период российской промышленной революции, осознавая свою значимость без подсказок со стороны, руководствовалось одним

стремлением – увеличить платежные силы населения для пополнения государственного казначейства [27, с. 249].

С другой стороны, в условиях повторяющейся и накапливающейся за длительное время экономической отсталости в России рывок в новую, прогрессивную хозяйственную реальность могло совершить только само государство, поскольку оно «имеет возможность “открыть” источники финансирования, недоступные в иной ситуации» [28, с. 114]. Подтверждением этому служит концептуальная оценка специфики развития российской экономики, осуществлённая А. Гершенкроном. Американский экономист и историк, анализируя состояние экономики Российской Империи в конце XIX в., пишет: «Нехватка капитала в России ощущалась в такой степени, что никакая банковская система не была бы в состоянии привлечь достаточное количество средств для финансирования широкой индустриализации» [28, с. 77]. Поэтому главным стратегическим фактором обеспечения капиталом в России следует назвать государственную бюджетно-налоговую политику, посредством которой удалось перенаправить доходы из области потребления в область инвестирования. Хотя в стране имелись и другие источники, и осуществлялся значительный импорт капитала, однако всё это не идёт ни в какое сравнение с бюджетным финансированием новых, быстро растущих промышленных предприятий. Таким образом, бюджетная государственная политика России эффективно компенсировала недостаточное развитие внутреннего рынка долгосрочных капитальных инвестиций [28, с. 78, 112, 156].

Стоит отметить, что к концу 1890 – началу 1900-х гг., российское государство, сосредоточившись на выпуске основных видов промышленного сырья и на машиностроении, действовало уже не одно, оставив на откуп развитие лёгкой промышленности: текстильного, бумаготкацкого, лакокрасочного производств и т.д., – тем же староверам [28, с. 78]. Данный период можно характеризовать и как расцвет массового частного предпринимательства, возникшего и развившегося вследствие результатов отмены Крепостного права, либерализации экономической деятельности, рыночных реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Однако то огромное недоверие, с которым российское общество относилось к частным предпринимателям и к самому институту капиталистического предпринимательства, дискредитировавшими себя финансовыми аферами, связанными с железнодорожным грюндерством, с фиктивным банкротством ряда акционерных обществ и прочими «прожектками», буквально вынудило государство взять бизнес на поруки [28, с. 77], [29, с. 24]. В 1902 г. Особое совещание по нуждам сельскохозяйственного производства под председательством С.Ю. Витте провозгласило предпринимательство объектом государственной политики [29, с. 25].

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что если бы не масштабные социально-экономические, политические и культурные потрясения 1914–1917 гг., то с течением времени развитая рыночная система, капитализм и частное массовое предпринимательство стали бы для России такими традиционными элементами, какими они является для многих развитых стран. Но войны и революции породили очередную ситуацию острой социально-экономической отсталости народного хозяйства России, для устранения которой необходима была вся мощь государственного аппарата. В данном случае логичным звучит тезис А. Гершенкрона о том, что «советское государство по праву можно назвать продуктом экономической отсталости страны» [28, с. 88].

Заключение.

Краткий, но содержательный анализ территориально-хронологических параметров возникновения рыночной системы, капитализма и развития предпринимательства в Европе теоретически подтвердил концепцию об относительной молодости и первоначальной узкой региональной привязке данных экономических явлений к преимущественно крупным населённым пунктам – городам. Принятие обществом в качестве социальной и экономической нормы активного стремления к собственной выгоде, нашедшим свое выражение в массовом предпринимательстве, есть результат очень длительного

исторического процесса, для которого необходимы определённые предварительные условия и предпосылки [28, с. 258]. В Новое время европейское общество пережило ряд значительных событий, носящих одновременно социальный, культурный и экономический характер. Скажем, Великие географические открытия или новый способ книгопечатанья, полностью подпадают под все три указанных пункта. Ответом на данные события стало возникновение рыночной системы экономики, основанной на массовой частной хозяйственной инициативе, и капитализма. Экономическая активность распространялась неравномерно по странам, что выражалась в смене лидеров в течение длительного времени в иерархии миров-экономик.

В российской практике, начиная с XVII в., то есть со становлением централизованного государства и до настоящего времени, роль «великого предпринимателя» и социально-культурного новатора играет государственный аппарат. Такое положение вещей есть прямое воздействие территориально-хронологических параметров: выдающейся географической протяженности России, «парализующей» мелкомасштабную частную инициативу, и состояния перманентной экономической отсталости, в которое периодически впадает наша страна.

В современной экономике Российской Федерации государство продолжает занимать положение ведущего хозяйствующего субъекта. Согласно оценке Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации, вклад государства и госкомпаний в ВВП РФ с 2005 – по 2015 гг. возрос с 35 – до 70%. Министерство экономического развития РФ даёт более «скромную» оценку вклада государства в ВВП РФ – до 50% на 2012 г. Свежая независимая экспертная оценка рейтинга «Эксперт–400» близка к показателям Минэкономразвития России и составляет примерно 54,4% государственного участия в ВВП РФ [30]. При этом доля государства в банковском секторе, – важнейшем секторе экономики, – согласно российскому аналитическому кредитному рейтинговому агентству (АКРА), достигла в конце 2017 – начале 2018 гг. 70% [31]. Государство в России также обеспечивает наибольшее число рабочих мест в различных отраслях экономики: 8 из 10 крупнейших по количеству работников компаний – государственные [32].

Комплексно оценивая текущую хозяйственную конъюнктуру можно заключить, что сейчас народное хозяйство Российской Федерации вновь пребывает в состоянии тяжёлой структурной социально-экономической отсталости. Обеспечение выхода на качественно новый уровень развития (при прочих равных условиях) может быть традиционно осуществлён за счёт государственных бюджетных мер. Будет ли сопровождаться прогресс в народном хозяйстве России развитием системы массового частного предпринимательства и добровольным самоустранением государственных структур из национальной экономики, станет ясно в ближайшее время.

Список литературы

- [1] Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2010. 860 с.
- [2] Красильников О.Ю. Эффективность структурной динамики экономической системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2014. Том 14. Серия Экономика. Управление. Право. Выпуск 1. Часть 1. С.5–10.
- [3] Симонов В.В. Не только коммунизм // сб.Татьянин день. 2010. № 02.07. URL: <http://www.taday.ru/text/492369.html> (дата обращения: 15.02.2018).
- [4] Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
- [5] Мизес Л. фон Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. М.; Челябинск: Социум, 2013. xvi + 368 с.
- [6] Аристотель Политика. М.: Издательство АСТ, 2017. 384 с.
- [7] Рязанов В.Т. (Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.
- [8] Монтень М. Опыты: в 3 кн. Кн. 1–2. М.: Издательство «Наука», 1979. 703 с.
- [9] Мандевиль Б. де Басня о пчёлах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М.: Издательство «Наука», 2000. 291 с.
- [10] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. 684 с.

- [11] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Издательство АСТ, 2017. 256 с.
- [12] Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. 432 с.
- [13] Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. 656 с.
- [14] Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н. Школа «Анналов» и её вклад в исследование экономического пространства // Ойкомена. 2011. №3. С. 55–72.
- [15] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 3 :Время мира. М.: Прогресс, 1992. 678 с.
- [16] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. Т.1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
- [17] Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: КРАСАНД, 2017. 496 с.
- [18] Минакир П.А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. №1. С4-26.
- [19] Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. Дом. Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
- [20] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: в 3 т. Т.2: Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 624 с.
- [21] Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т.3.: Курс русской истории. Ч.3. М.: Мысль, 1988. 414 с.
- [22] Минакир П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения и намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. №3. С.7-15.
- [23] Фенин К.В. Краткий теоретический анализ развития предпринимательства в мировой и отечественной истории // Экономическая наука в Саратовском университете: прошлое и современность: мат. Междунар. науч. конф. (Саратов 25 октября 2017 г.). Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2017. С. 69–74.
- [24] Райнерт Э. Роль государства в экономическом росте // Прогнозис. 2009. № 2 (18). С. 164-196.
- [25] Фенин К.В. Ретроспективный историко-экономический анализ национальной модели хозяйствования староверов и её культурного наследия // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2017. №2 (22). С. 114–128.
- [26] Максимов В.А. Ценностные аспекты модернизации хозяйства в социально-экономическом проекте И.Т. Посошкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Экономика. Управление. Право. 2016. Т.16. №1. С.34–39.
- [27] Пугачёв И.О. Миросистемный подход к классификации моделей государственного предпринимательства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2014. Т.14. Выпуск 2. Часть 1. С.243–252.
- [28] Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 536 с.
- [29] Благих И.А. Эволюция взглядов на институт предпринимательства в России: источниковедческий анализ // Устойчивое развитие: общество и экономика: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 20-23 апреля 2016 г.) СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. С.22–41.
- [30] «Тяжёлое государство: как сократить госсектор в экономике», – А.В. Данилов-Данильян // rbc.ru: «РосБизнесКонсалтинг». 2017. 14 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/14/11/2017/5a0ab4059a79475e75f5d14c> (дата обращения: 10.10.2017).
- [31] АКРА: доля государства в банковском секторе достигла 70% // tass.ru: «Информационное агентство России». 2018. 13 фев. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4953848> (дата обращения: 10.03.2018).
- [32] РБК–500. Кто создаёт рабочие места: десять крупнейших компаний России // rbc.ru: «РосБизнесКонсалтинг». 2017. 21 сен. URL: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (дата обращения: 10.10.2017).

THE THEORETICAL RESEARCH OF CHRONOLOGICAL AND TERRITORIAL ASPECTS OF THE ORIGIN OF MARKET SYSTEM, CAPITALISM AND ENTREPRENEURSHIP IN EUROPEAN AND RUSSIAN HISTORY

Cyril V. Fenin

*Faculty of Economics, Department of Economic Theory and National Economy,
Saratov State University, Saratov, Russian Federation,
e-mail: krill.fenin@mail.ru*

Abstract

This paper is a short theoretical analysis of the origin and development of a market economy and capitalism, based on private enterprise, the universal striving for profit and the ever-increasing growth of human needs. The novelty of this research is the consideration of the indicated problems

in certain geographical and historical conditions with an emphasis on the study of the concepts of outstanding foreign and domestic historians, economists and philosophers: F. Braudel, R. Heilbroner, A. Gerschenkron, E. Reinert, M.I. Tugan-Baranovsky, V.O. Klyuchevsky, etc. The result of the research is to discover the commonality of the views of these scientists on the genesis of the market system and capitalism. R. Heilbroner and F. Braudel attributed the appearance of these forms of social order to the thirteenth century. F. Braudel specified also the region of emergence of market economy and capitalism are the Italian city-states. The market system and capitalism as new paradigms of management and social thought very slowly spread according to a certain order and hierarchy from Italy throughout Europe. The analysis of the Russian historical and economic practice for convenience was limited to the beginning of the second half of the 17th century. The research showed that the State was and remains the most initiative economic entity in economy of Russia for a long time. The main reasons for the active role of the state in the economic life of Russian society are the considerable spatial extent and regional heterogeneity of Russia that hampered the development of the economy and the permanent state of economic backwardness.

Key words: market system; capitalism; entrepreneurship; economic backwardness; the State.

References

- [1] Borisov A.B. *Bolshoi ekonomicheskii slovar* [The Big Economic Dictionary]. Moscow, 2010. 860 p. (in Russian).
- [2] Krasilnikov O. Yu. The Effectiveness of Structural Dynamics Economic System. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 1-1, pp. 5–10 (in Russian).
- [3] Simonov V.V. Ne tol'ko kommunizm [Not only Communism]. *sb. Tat'ianin den'* [Taday.ru]. 2010. no. 02.07. URL: <http://www.taday.ru/text/492369.html> (accessed 15 February 2018) (in Russian).
- [4] Schumpeter J. A. *The Theory of Economic Development: An Inquiry Into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. New Brunswick (U.S.A.), London (U.K.), Transaction Publishers. 2004. 255 p. (Russ. ed.: Schumpeter J. A. *Teoriia ekonomicheskogo razvitiia*. Moscow, 1982. 455 p.).
- [5] Mises L. von *Theory and History: An Interpretation of Social and Economic Evolution*. Auburn, Alabama, Ludwig von Mises Institute. 2007. 384 p. (Russ. ed.: Mises L. von *Teoriia i istoriia: interpretatsiia sotsial'no-ekonomicheskoi evoliutsii*. Moscow; Chelyabinsk, 2013. xvi + 368 p.).
- [6] Αριστοτέλης *Politika* [Πολιτικά]. Moscow, 2017. 384 p. (in Russian).
- [7] Ryazanov V.T. (*Ne*) *Realnyi kapitalizm. Politekonomiia krizisa i ego posledstviia dlia mirovogo khoziaistva i Rossii* [(Not) Real Capitalism. Political Economy of the Crisis and its Consequences for the World Economy and Russia]. Moscow, 2016. 695 p. (in Russian).
- [8] Montaigne M. de *Opyty* : v 3 kn. *Kn. 1–2* [Les Essais]. Moscow, 1979. 703 p. (in Russian).
- [9] Mandeville B. de *Basnia o pchelakh, ili Poroki chastnykh lits – blaga dlia obshchestva* [The Fable of The Bees: or, Private Vices, Public Benefits]. Moscow, 2000. 291 p. (in Russian).
- [10] Smith A. *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: The Elesbook Classics, 1998. 1282 p. (Russ. ed.: Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov*. Moscow, 1962. 360 p.).
- [11] Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [La rebelión de las masas]. Moscow, 2017. 256 p. (in Russian).
- [12] Heilbroner R.L. *The Worldly Philosophers: The Lives, Times and Ideas of the Great Economic Thinkers*. New York, Touchstone. 1999. 368 p. (Russ. ed.: Heilbroner R.L. *Filosofy ot mira sego. Velikie ekonomicheskie mysliteli: ikh zhizn', epokha i idei*. Moscow, 2016. 432 p.).
- [13] Weber M. *Izbrannoe: protestantskaia etika i dukh kapitalizma* [Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus]. Moscow, 2013. 656 p. (in Russian).
- [14] Demyanenko A.N., Dyatlova L.A., Ukrainsky V.N. School «Annals» and its contribution to the study of the economic space. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* [Ojkumena. Regional Researches]. 2011. no. 3, pp. 55–72 (in Russian).
- [15] Braudel F. *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV – XVIII vv.: v 3 t. T. 3: Vremia mira* [Civilisation Matérielle, Économie et Capitalisme, XV – XVIIIth centuries: in 3 volumes. Vol. 3: Le Temps du Monde]. Moscow, 1992. 680 p. (in Russian).
- [16] Braudel F. *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV – XVIII vv.: v 3 t. T. 1: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Civilisation Matérielle, Économie et Capitalisme, XV – XVIIIth centuries: in 3 volumes. Vol. 1: Les structures du quotidien]. Moscow, 1986. 624 p. (in Russian).
- [17] Tugan-Baranovsky M.I. *Sotsialnye osnovy kooperatsii* [The Social Basis of Cooperation]. Moscow, 2017. 496 p. (in Russian).
- [18] Minakir P.A. Economy and space (theses of reflections). *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2005. no. 1, pp. 4–26 (in Russian).
- [19] Reinert E.S. *Kak bogatyie strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostaiutsia bednymi* [How Rich

Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, 2011. 384 p. (in Russian).

[20] Braudel F. *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV – XVIII vv.: v 3 t. T. 2: Igry obmena* [Civilisation Matérielle, Économie et Capitalisme, XV – XVIIIth centuries: in 3 volumes. Vol. 2: Les jeux de l'échange] Moscow, 1986. 624 p. (in Russian).

[21] Klyuchevsky V.O. *Sochineniia: v 9 t. T.3.: Kurs russkoi istorii. Ch.3.* [The Course of the Russian History]. Moscow, 1988. 414 p. (in Russian).

[22] Minakir P.A. The National Strategy of Spatial Development: Is It the Conscientious Delusion or Deliberate Simplification? *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2016. no. 3, pp. 7–15 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2016.3.007-015.

[23] Fenin K.V. Kratkii teoreticheskii analiz razvitiia predprinimatel'stva v mirovoi i otechestvennoi istorii [The Short Theoretical Analysis of Development of Enterprise in World and National History]. In: *Ekonomicheskaiia nauka v Saratovskom universitete: proshloe i sovremenost'* [Economic Science in Saratov University: Past and Present. Collected papers. Ed. by Chelnokova O.Yu.]. Saratov, Izdatel'stvo «Saratovskii istochnik», 2017, pp. 69–74 (in Russian).

[24] Reinert E.S. The Role of the State in Economic Growth. *Prognozis.* 2009. no. 2 (18). pp. 164-196 (in Russian).

[25] Fenin K.V. Retrospective Historical and Economic Analysis of Old Believer National Economic Model and Its Cultural Heritage. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve.* 2017. no. 2(22), pp. 114–128 (in Russian).

[26] Maksimov V.A. Value Aspects of Modernization of the Economy in the Socio-economic Project of I. T. Pososhkov. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2016, vol. 16, iss. 1, pp. 34–39 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-1-34-39.

[27] Pugachev I.O. World-system Approach to the Classification of the Models of Governmental Entrepreneurship. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 2-1, pp. 243–252 (in Russian).

[28] Gerschenkron A. *Economic backwardness in historical perspective, a book of essays.* Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press. 1962. 456 p. (Russ. ed.: Gerschenkron A. *Ekonomicheskaiia otstalost' v istoricheskoi perspektive.* Moscow, 2015. 536 p.).

[29] Blagikh I.A. Evoliutsiia vzgliadov na institut predprinimatel'stva v Rossii: istochnikovedcheskii analiz [The evolution of views on the Institute of entrepreneurship in Russia: a source analysis]. In: *Ustoichivoe razvitie: obshchestvo i ekonomika* [Sustainable Development: Society and Economy. Collected papers. Ed. by Belozyorov S.A.] St. Petersburg, 2016, pp. 22–41 (in Russian).

[30] «Tiazheloe gosudarstvo: kak sokratit gossektor v ekonomike», – A.V. Danilov-Daniliyan («Heavy» state: how to reduce the public sector in the economy», – A.V. Danilov-Daniliyan) «RosBiznesKonsalting (RBK)» (RosBusinessConsulting). Available at: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/14/11/2017/5a0ab4059a79475e75f5d14c> (accessed 10 October 2017) (in Russian).

[31] AKRA: *dolia gosudarstva v bankovskom sektore dostigla 70%* (ACRA: The State Share in the Banking Sector reached 70%) Available at: <http://tass.ru/ekonomika/4953848> (accessed 13 February 2018) (in Russian).

[32] RBK–500. *Kto sozdaet rabochie mesta: desiat' krupneishikh kompanii Rossii* (RBC-500. Who creates jobs: the ten largest companies in Russia) Available at: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (accessed 21 September 2017) (in Russian).

Поступила 06.04.2018

После рецензирования 16.04.2022

Принята 25.04.2022

Received 06.04.2018

After reviewing 16.04.2022

Accepted 25.04.2022